

ная восприимчивость и огромная способность страдать, ставшая причиной его пессимизма в молодости. Откуда пришел оптимизм в его зрелые годы и спокойствие в старости? Из самой жизни, в результате осуществления, пусть несовершенного, жизненного цикла. Известные слова Сократа: «Никто не зол по доброй воле» — он перефразировал в: «Никто не несчастен по доброй воле». Надо учиться быть счастливым. Надо уметь жить не только в согласии с природой — это пустяк, — но и в согласии с человеческой природой, приведенной благодаря науке в гармонию с окружающим миром.

Мечникова очень любили за его благородную и живую натуру. И он тоже умел любить, отдавая всего себя.

Как и Гете, его неотступно преследовал образ Фауста, и его друзьям и ученикам доставляло удовольствие считать его перевоплощением Фауста: то же стремление жить, знать и понимать, тот же страстный интерес к миру и человеку, к макро- и микрокосмосу. Пессимист в молодости и оптимист в старости, он восклицает: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» И то же примирение со смертью, которое, в сущности, есть подтверждение жизни. Но нужно не раз подновить старую марионетку и изменить декор, отказаться от тусклого витража и закопченного свода, от изъеденной молью шубы доктора, от пентограммы, знахарского искусства, средневековой алхимии, даже от химии сродства душ, которую Гете практиковал со своей давней подругой мадемуазель Клеттенберг во времена Берхаве, даже Кавендиш и Пристли... В химию только что пришли Лавуазье, Берцелиус, Пастер, Бертло, Вантгофф. В лаборатории на столы, покрытые эмалью, свет проникает через прозрачные стекла. Эликсир молодости — это селекционированная кишечная флора, чашка с молочно-кислыми ферментами, витамины, гормоны. Во время чумы новый Фауст раздает вместо чудодейственных микстур эффективные вакцины. Но Фауст, фигура исключительно европейская, бессмертен. А Мечников был самым недавним, но не последним его воплощением. Волей-неволей наука овладевает каждой человеческой судьбой. Человек, воплотивший Бога и Дьявола, великий Пан, не умер.

Пусть женщины и дети развлекаются, обращая свои взоры к Азии. Европа же всегда будет символизировать науку, или она перестанет быть Европой.

Перевод с французского З. И. Ширмаковой

Т. И. УЛЬЯНКИНА

ЭТОТ НЕИЗВЕСТНЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ ИВАН МАНУХИН

В сборнике стихов З. Н. Гиппиус, изданном сразу после ее эмиграции (декабрь 1919 г.), есть одно, обращенное к ее близкому другу, оставшемуся в разоренном и голодном Петрограде [1, с. 129]:

Будет

**Ничто не сбывается,
А я верю.
Везде разрушение,
А я надеюсь.
Все обманывают,
А я люблю.
Кругом несчастье,
Но радость будет.
Близкая радость,
Нездешняя — здесь.**

Это стихотворение посвящено Ивану Ивановичу Манухину. Его имя для современного читателя малоизвестно, как малоизвестны имена многих других талантли-

Иван Иванович Манухин (1882—19(?))

вых представителей российской интеллигенции, эмигрировавших после Октябрьской революции и гражданской войны. Однако в дореволюционном и революционном Петербурге-Петрограде И. И. Манухин был фигурой достаточно популярной. Прежде всего его хорошо знали как частнопрактикующего врача-терапевта, среди пациентов которого — князя из рода Романовых, литераторы, в том числе М. Горький и Д. С. Мережковский, министры царского и Временного правительства и др. Будучи в длительной командировке во Франции, Манухин консультировал и лечил Илью Ильича Мечникова, о чем свидетельствует «Дневник с записями самонаблюдений» великого ученого за 1913 г. [2, с. 303]*. Красивый, интеллигентный, широко образованный человек, Манухин был не только блестящим врачом-практиком, но и талантливым ученым-иммунологом и радиобиологом, открывшим и предложившим медикам новые методы лечения туберкулеза: иммунологический и радиобиологический, работавшим над получением вакцины против сыпного тифа, «испанки» и других особо опасных инфекций, изучавшим механизмы внутренней секреции и долголетия и пр. Его труды были хорошо известны в Европе, особенно

* О подробностях консультации И. И. Мечникова И. И. Манухиным см. также в [3].

во Франции, в знаменитом Институте Пастера, ставшем на рубеже XIX—XX вв. международным центром иммунологических и бактериологических исследований.

Гражданская активность Манухина проявилась в организации и учреждении (март-апрель 1917 г.) Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук, объединившей лучших представителей российской науки (см. [4]). Вместе с Мережковским и Горьким он участвовал и в создании другой организации — Комитета по охране памятников старины, в состав которого вошли многие выдающиеся архитекторы, художники, сотрудники Эрмитажа и др. Некоторые заседания этого комитета проходили на его квартире. В период между Февральской и Октябрьской революциями Манухин сотрудничал с Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, помогая заключенным страшно своим суровым режимом Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Помогал как врач и как гражданин, поскольку делал это бескорыстно.

При Советской власти Иван Иванович не сдавался, не падал духом и не приспособлялся. И хотя голод и лишения заставляли интеллигенцию идти на службу к большевикам, он трудился не за страх, а за совесть. Помимо врачебной практики, а также научной деятельности в Институте экспериментальной медицины, Манухин работал в Политическом Красном Кресте, продолжая свою милосердную миссию по отношению к узникам Петропавловской крепости. Решение покинуть родину пришло к нему не сразу, и меньше всего Манухину хотелось быть втянутым в политику, однако, попав в водоворот революционных событий, он невольно стал участником и свидетелем многих социальных потрясений, прикоснулся «к великим бедам страны» [5, с. 151].

В «Дневнике» Зинаиды Николаевны Гиппиус [6], этом поразительном по своей правдивости и точности историческом документе, рассказывающем о жизни русской интеллигенции в Петрограде в 1919 г., имя Ивана Ивановича Манухина встречается практически на каждой странице. Вот одна из наиболее ярких его характеристик: «И. И. — редкое соединение очень серьезного ученого, известного своими творческими работами в Европе, и деятельного человека жизни, отзывчивого и гуманного. Типичные черты русского интеллигента — крайняя прямота, стойкость и непримиримость — выражались у него не словесно, а именно действительно. <...> Деятельная, творческая природа И. И. не позволяла ему глядеть на совершающееся сложа руки. Он вечно бегал, вечно хлопотал, кому-то помогал, кого-то спасал. Он делал дела и крупные и мелкие и ни от чего не отказывался, лишь бы кому-нибудь чем-нибудь помочь. При всей своей непримиримости и кипучей ненависти к большевикам, при очень ясном взгляде на них он не впадал в уныние, он до конца — до дня нашей разлуки — таким и остался: жарко верующим в Россию, верующим в ее неперемное и скорое освобождение» [там же, с. 151].

З. Н. Гиппиус познакомилась с И. И. Манухиным и его женой Татьяной летом 1917 г., вскоре после июльского восстания, «когда линия социал-демократов-большевиков ярко определилась, когда все честные люди из не потерявших разум ее совершенно поняли» [там же, с. 152]. Они были соседями по подъезду дома на Сергиевской улице, расположенного рядом с Таврическим дворцом, где заседало Временное правительство. Об этом знакомстве Зинаида Николаевна позднее напишет: «Встретились и сразу сошлись крепко и близко. Надвигалась буря. Лед гудел и трещал. Действительно, скоро он сломался на куски, разъединяя прежде близких, и люди понеслись — куда? — на отдельных льдинах. Мы очутились на одной льдине с И. И. Когда по месяцам нельзя было физически встретиться, даже переключиться с давними, милыми друзьями, ибо нельзя было преодолеть черных пространств страшного города, каким счастьем и помощью были стук в дверь и шаги человека, то же самое понимающего, так же чувствующего, о том же ревнующего, тем же страдающего, чем страдали мы» [там же, с. 152—153].

Гиппиус, правда, не скрывала, что окружение Манухина было во многом и ей, и Мережковскому чуждым. К этому окружению прежде всего относился Горький, а также некоторые активные члены социал-демократической партии (например, А. В. Луначарский), с которыми Гиппиус и Мережковский были в идейной оппозиции. Зи-

наида Николаевна писала: «Горького мы знали давно, лет двадцать; он даже бывал у нас во время войны. Но мы не сходились никогда с Горьким, странная чуждость разделяла нас. Даже его несомненный литературный талант, сильный и неровный, которым мы порою восхищались, не сближал нас с ним. Впрочем, окружение Горького, постоянная толпа ничтожных и корыстных льстецов, которых он около себя терпел, отталкивала от него очень многих.

Эти льстецы обыкновенно даже не партийные люди; это просто литературные паразиты. Подобный двор — не редкость у русского писателя-самородка, имеющего громкий успех, если он при том слабохарактерен, некультурен и наивно тщеславен.

Паразитов горьковских И. И. весьма не любил, но по доброте своей Горькому их прощал» [там же, с. 151—152]. Кроме всего прочего, нельзя не учитывать того, что Горький был долгие годы пациентом Манухина, лечившего его от туберкулеза, о чем пойдет речь ниже.

Зинаида Николаевна близко к сердцу принимала все сложные перипетии в отношениях Манухина с Горьким и его друзьями. Она ценила интеллигентность, прямолинейность и какую-то человеческую хрупкость своего друга, с «великим страданием, со стиснутыми зубами "несущего" чугунный крест жизни» [там же, с. 153]. Она писала о нем: «Зная все, что мы переносили, какие темные глубины мы проходили, я знаю, какая нужна сила духа и сила жизни, чтобы не потерять веру, чтобы устоять на ногах, — остаться человеком. С нежной благодарностью обращается мысль моя к И. И. Он помог нам — он и его жена — более чем сами они об этом думают» [там же].

Мое знакомство с судьбой и научной биографией И. И. Манухина началось с чтения его воспоминаний, опубликованных в 60—70-е гг. в трех номерах русского эмигрантского «Нового журнала», издаваемого в США [5, 7, 8]. Они давали возможность почувствовать духовную атмосферу жизни российского общества, «из первых уст» узнать о настроениях интеллигенции, противопоставившей себя разрушительному революционному процессу. Чтение этих воспоминаний и другой мемуарной литературы русской эмиграции (З. Н. Гиппиус, Н. И. Берберова, П. Н. Милюков и др.) вызвало у меня большой интерес к личности И. И. Манухина-врача, ученого и общественного деятеля. Однако если более или менее полно удалось реконструировать биографию Манухина до эмиграции, то при описании его жизни в изгнании пришлось столкнуться с непредвиденными трудностями. Его жизнь в эмиграции полна загадок и неясностей. Прежде всего резко изменилось отношение к нему самых близких людей, таких как З. Н. Гиппиус (хотя она и оставалась нежным и преданным другом его жены Татьяны Ивановны Манухиной). Кроме того, некоторые самые, казалось бы, бес-

3. Н. Гиппиус. 1898 г. (?)

спорные факты биографии Манухина, в том числе его милосердная деятельность по спасению великого князя Гавриила Константиновича Романова и других узников Петропавловской крепости, а также лечение Горького, были искажены отдельными эмигрантскими изданиями до неузнаваемости. Складывалось такое впечатление, что кто-то сводил с ним счеты. В одной из своих последних публикаций воспоминаний (1967 г.) Манухин с горечью сетовал, что недоброжелательность, непонимание, недоверие, холодное равнодушие, зависть и интригантство окружали его давно, еще с тех пор, как умер его учитель Сергей Сергеевич Боткин (1910 г.), но, к сожалению, эта ситуация затянулась на всю жизнь (см. [8, с. 142]).

Известная в России и в эмигрантских кругах журналистка и общественная деятельница Е. Д. Кускова (Прокопович) однажды очень точно охарактеризовала трагедию русской интеллигенции как «разномыслие одинаково честных людей», в основе которого лежит «подозрительность, отчуждение, глубокая отравленность боязнью ошибки» [9, с. 402]. Можно только предполагать, насколько все это коснулось Манухина в эмиграции.

Вероятно, разгадка кроется в другом: в особенностях характера самого Ивана Ивановича, о которых говорил в 1920 г. Максим Горький в письме к Ленину, ходатайствуя о командировке ученого во Францию, в Институт Пастера: «Типичный кабинетный ученый, Манухин непрактичен, как ребенок, также прямодушен и умеет с поразительной легкостью наживать себе врагов» [10, с. 111].

Несмотря на незавершенность исследований, тем не менее хотелось познакомиться читателей с личностью этого неординарного человека, рассказать о его научной и общественной деятельности, показать его место в трагической судьбе России. Это кажется тем более важным, поскольку в Советской России его имя было предано забвению. Зинаида Николаевна Гиппиус часто цитируется в этой статье не столько потому, что ее называли «словом и голосом России», сколько потому, что ее дневники дали ключ к пониманию личности Манухина, оживили и в какой-то мере драматизировали его образ. Хотя, повторяю, ее роль в жизни Манухина в эмиграции остается до сих пор загадкой.

* * *

Иван Иванович Манухин родился 19 января (ст. ст.) 1882 г. в г. Кашине Тверской губернии. Начало его профессиональной деятельности относится к 1906 г., когда он окончил Императорскую Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге, получив диплом лекаря (см. [11]). Ориентация на практическую работу не помешала Манухину еще в стенах академии серьезно заняться фундаментальными исследованиями в области иммунологии, привлекавшей в те годы многих молодых ученых новизной и высокой эффективностью в диагностике и лечении инфекционных болезней.

Научной активности Ивана Манухина во многом способствовал его учитель — известный профессор академии Сергей Сергеевич Боткин (сын С. П. Боткина), «заразивший» иммунологией многих своих студентов, среди которых Иван был, пожалуй, фигурой самой яркой и значительной.

Для иммунологии того времени было характерным разделение большинства причастных к ней исследователей на два больших лагеря, дискутировавших и конфликтовавших между собой на страницах журналов и на съездах. Сторонники так называемого гуморального направления, которое представляли главным образом немецкие исследователи (Э. Беринг, Э. Циглер, П. Эрлих и др.), отставили ведущую роль в иммунитете животных и человека антител и других «гуморальных» факторов. Другое, так называемое клеточное, или фагоцитарное направление представлял Илья Ильич Мечников со своими учениками из разных стран мира. Они обосновывали приоритет белых клеток крови в иммунной защите организма. Дальнейшее развитие иммунологии показало, что иммунитет определяется обоими механизмами — и клеточным, и гуморальным. Работы С. С. Боткина и И. И. Манухина по лейкоцитолиту, о которых пойдет речь ниже, как раз

и явились тем фактическим материалом теоретической иммунологии, на базе которого в начале первого десятилетия XX в. произошло слияние клеточного и гуморального направлений. (Напомним, что в 1908 г. за исследования в этой области И. И. Мечникову и П. Эрлиху была присуждена Нобелевская премия.)

К большому сожалению, ни Боткин, ни Манухин не осознавали до конца истинного значения своих работ по лейкоцитозу, иначе они не поставили бы себя в столь непримиримую оппозицию по отношению к сторонникам клеточной теории иммунитета, в том числе и к самому Мечникову, и не оказались бы, по существу, вне сообщества русских иммунологов, почти единодушно поддерживавших идеи великого ученого.

С. С. Боткин открыл явление лейкоцитоза (распада белых кровяных клеток в ходе инфекционного процесса) и описал его роль в иммунитете высших животных и человека в период своей научной стажировки в Германии (1889—1892 гг.). Он работал в лабораториях Реклингхауза, Флюгге, Коха, Лейдена. Поначалу его заинтриговала динамика численности белых клеток крови при введении в организм чужеродного белка (в его опытах это был туберкулин): после реакционного повышения числа белых клеток (т. е. лейкоцитоза), как правило, следовало их значительное снижение (т. е. гиполейкоцитоз). Изучив природу гиполейкоцитоза, Боткин доказал, что он обусловлен распадом многоядерных лейкоцитов, и назвал это явление лейкоцитололизом. Он подробно изучил лейкоцитоз у больных с фибринозным воспалением легких, а также у животных с экспериментальной формой столбняка и выявил прямую зависимость между появлением лейкоцитоза и последующим выздоровлением (см. [12]).

Однако несмотря на увлеченность и настойчивость, с которой молодой Боткин отстаивал идею открытого им механизма иммунной защиты на Международном терапевтическом съезде в Лейпциге в 1892 г., никто из ведущих ученых в области иммунологии, присутствовавших на нем, не обратил внимания на его данные и его концепцию. Мечников упорно стоял на том, что только живые и целые (т. е. неразрушенные) белые клетки крови обладают иммунной компетенцией. Эрлих вообще не пытался связать выработку антител только с одной группой клеток, полагая, что этот процесс универсален и характерен для всех без исключения клеток организма. Кох также не стал поддерживать Боткина в силу своей личной неприязни к Мечникову с его концепцией иммунной компетенции белых клеток крови, считая, что они скорее являются разносчиками инфекции в организме, но никак не его защитниками.

Тем не менее, вернувшись в Россию, Боткин целеустремленно продолжил разрабатывать свою идею. На кафедре академической терапевтической клиники он наметил ряд тем, которые затем рекомендовал своим студентам. Это и рассмотрение механизма образования антител (гемолизиров, преципитинов и др.) белыми клетками крови, и исследование так называемых нормальных антител, и изучение реакции связывания комплемента, которую он предложил использовать для диагностики не только сифилиса, но и тифа, туберкулеза и других инфекционных заболеваний. В академической клинике Боткин организовал первый в России серодиагностический кабинет.

Вскоре Боткин, однако, потерял интерес к иммунологическим исследованиям. Об этом Манухин позже напишет: «Разносторонние дарования, способность увлекаться обуславливали его положительные свойства, но они же мешали той его терпеливой сосредоточенности на одной какой-либо области или проблеме. Этим, я думаю, и объясняется незавершенность его интереснейших работ, начатых за границей и в молодые годы. Самостоятельных исследований он не вел, школы своей не создал, в борьбу за свои положения, столь противоположные духу конформизма, которым были проникнуты все работы по иммунитету (засилие авторитета Мечникова и его школы), не вступал... Около него можно было свободно работать, он молодежи не мешал, но разбирать в недоумениях и сложностях надо было самому» [8, с. 142].

Увлечшись боткинской идеей лейкоцитоза как реакции иммунной защиты, Манухин еще в студенческие годы собрал исчерпывающий материал по биохии-

мии и физиологии белых клеток крови, количественным изменениям отдельных фракций при разного типа инфекциях. Модифицировав ряд методик, он подробно изучил явление лейкоцитолита на животных и человеке и доказал, что оно «представляет собой столь же постоянное орудие самозащиты организма... как и фагоцитоз» [13, с. 376]. Без лейкоцитолита, благодаря которому в кровь больного поступает из распавшихся клеток огромное количество специфических антител, его организм не в состоянии справиться с высоковирулентными микроорганизмами (типа диплококков, стафилококков, ноеродной и тифозной палочек и др.), а также их токсинами. Без лейкоцитолита не эффективен, по Манухину, и сам фагоцитоз, за исключением разве что случаев инфицирования организма невирулентными, ослабленными и убитыми микробами. Согласно Манухину, лейкоцитолит «запускают» особые ферменты, которые он назвал лейкоцитолитинами, их синтез происходит в селезенке, тогда как лейкоцитоз протекает с накоплением в крови ферментов, задерживающих распад лейкоцитов, т. е. антилейкоцитолитинов, местом синтеза которых является печень (см. [14]).

Манухин обосновал высокое прогностическое и диагностическое значение лейкоцитолита в клинике фибринозного воспаления легких. Кроме того, уже в статье «О "лейкоцитотерапии" при фибринозном воспалении легких» [15], датированной 1910 г., он предложил новый, по своей сути иммунологический, метод лечения этого тяжелого заболевания — так называемую лейкоцитотерапию. Метод состоял в благоприятном воздействии на течение фибринозного воспаления легких подкожного впрыскивания вытяжек из лейкоцитов, взятых из крови самого больного. Лечебный эффект метода, по Манухину, заключался в распаде лейкоцитов и освобождении поступающих в кровь бактериолизиннов, антитоксинов и прочих антител, специфически нейтрализующих возбудитель (пневмококк) и его токсин, а также протеолитических ферментов, помогающих рассасыванию воспалительного инфильтрата в легких.

Все эти интереснейшие данные Иван Иванович Манухин изложил в солидной по объему (809 страниц типографского текста) диссертации, изданной отдельной книгой в 1911 г. (см. [14]). Диссертация имела лаконичное название — «О лейкоцитолите» и была представлена Военно-медицинской академией к премии имени Ахматова. Рецензент работы — академик Иван Петрович Павлов (см. [16]).

Скоропостижная смерть С. С. Боткина от острого мозгового кровоизлияния, последовавшая 28 января 1910 г., вызвала глубокие переживания Манухина. Памяти Сергея Сергеевича Боткина его ученики: Б. В. Зверев, С. Б. Львов, И. И. Манухин, С. Г. Минц, И. Ф. Юргенсон и другие — посвятили специальный выпуск «Русского врача» (№ 11 за 1910 г.), опубликовав статьи о тех исследованиях, которые были начаты по инициативе учителя.

Из-за смерти Боткина, вспоминал Манухин, он потерял не только единомышленника, старшего друга и учителя, «но и возможность пользоваться живительным воздухом научной свободы, в котором успешно развиваются способности в молодые годы» [17, с. 361]. С появлением на кафедре терапии давнего противника С. С. Боткина — профессора Н. Я. Чистовича Манухин в своей работе над диссертацией столкнулся с непредвиденными трудностями, главной из которых была личная неприязнь к Чистовичу как ученому. Манухин писал о нем: «Он был сторонник фагоцитоза, признавал Мечникова бесспорно и написал в этом направлении много работ. Оригинальных исканий у него не было, он всегда подтверждал только признаваемое» [8, с. 143]. Манухин считал, что научным конформизмом грешил не только Чистович — им был «пропитан» весь русскоязычный лагерь Мечникова в иммунологии. От нетерпимости и неприязни к своим научным оппонентам Манухин излечился только после своей встречи с Мечниковым в Париже.

А тогда, зимой 1910 г., Иван Манухин принял решение покинуть опустевшую и осиротевшую боткинскую кафедру. Быстро завершив диссертационные дела, он уехал на два с половиной года во Францию, в Париж.

Для молодого русского врача, приехавшего на стажировку во Францию, а тем более для исследователя, увлеченного проблемами иммунологии, знакомство с Парижем непременно начиналось с посещения знаменитого Института Пастера и ла-

боратории Мечникова, занимавшего в те годы пост заместителя директора института. Манухин не был исключением. Однако повышенная эмоциональность и научная убежденность в правоте своей концепции помешали ему провести первую встречу с Мечниковым в дипломатической манере. Манухин с порога заявил Илье Ильичу о несогласии с его фагоцитарной теорией иммунитета. Он увлек мэтра своими результатами по лейкоцитолузу, и тот, пораженный невероятным напором молодого ученого, предложил разумный компромисс: проверить его результаты в Институте Пастера.

«Три раза, — вспоминал Манухин, — Мечников требовал от меня повторения опытов, доказывающих наличие фермента, разрушающего лейкоциты... и только тогда убедился, что результаты неуклонно повторяются» [там же, с. 144]. Мечникова не только не смущало то, что в его лаборатории проводились исследования научного противника, напротив, собственноручно подписывая протоколы манухинских экспериментов, Илья Ильич немедленно отправлял их для публикации во французский журнал «Comptes Rendus de la Société de la Biologie», тем самым давая им зеленую улицу.

«Его удивительный объективизм, — писал Манухин, — исключал всякое самолюбие. Только так и можно служить научной истине. Наши "объективные" взаимоотношения длились все время — два с половиной года, когда я работал в Пастеровском институте» [там же].

С Парижским университетом был связан другой, не менее важный и плодотворный период деятельности И. И. Манухина как радиобиолога. В лаборатории профессора Анри Вокеза у Манухина впервые возникла мысль о возможности экспериментального усиления иммунитета путем слабого рентгеновского облучения селезенки.

Вначале он проверил эффект рентгеновского облучения на себе самом и на коллеге из России — некоем Г. А. Кролуницком, работавшем в лаборатории профессора Роже, выполнив контроль некоторых иммунологических реакций по крови. Только потом ученый изложил свои планы Мечникову. Тот заинтересовался настолько, что добился приобретения для своей лаборатории Институтом Пастера дорогостоящего рентгеновского аппарата с тем, чтобы Манухин мог проводить эксперименты прямо у Мечникова. В качестве испытуемых Мечников посоветовал взять животных, зараженных туберкулезом. Вместе они решили проверить, прав ли Манухин, утверждая, что рентгеновское облучение небольшими дозами в области селезенки приведет к ускорению процесса выздоровления животных по сравнению с контрольной группой, зараженной, но необлученной. Облучение же печени, по мнению Манухина, должно вызвать противоположный эффект, так как этот орган, с его точки зрения, в иммунном отношении является антагонистом селезенки. Эксперименты подтвердили правоту Манухина: контрольные животные погибли с обширными поражениями туберкулезом всех органов, тогда как в облученной группе поражения были незначительными. Данные парижских экспериментов подробно были описаны Манухиным в журнале «Русский врач» за 1916 г. [18].

Мечников был удовлетворен результатами радиобиологических экспериментов и, прощаясь с Манухиным, который собирался возвращаться в Россию, пообещал найти «примиряющую» (лейкоцитолузу с фагоцитозом) теорию. Смерть И. И. Мечникова в 1916 г. оборвала этот интересный научный диалог.

В 1913 г. из-за болезни жены (легочный туберкулез) Манухин принял решение не ехать в Россию, а переждать зиму на юге Италии. Эта поездка неожиданно стала поворотной в его биографии. Дело в том, что накануне отъезда Мечников, узнав о тяжелых страданиях Горького на Капри от туберкулеза, посоветовал Манухину попробовать лечить писателя слабыми дозами рентгеновского облучения. Тем самым он благословил молодого ученого на очень ответственный шаг: применить экспериментальный метод на практике.

Татьяна Манухина так описывала свою встречу с писателем на Капри на вилле «Серафино»: «Горький, измученный болезнью и душевным надрывом, злой от тоски или тоскующий от озлобленности, капризный, невежливый, даже грубый по отношению к своим домашним, одинокий среди окружения, казался очень несчастным» [19, с. 120].

Быстрота и эффективность радиобиологического метода при лечении легочного туберкулеза удивили многих, в том числе и самого врача: уже через три недели после начала облучения у Максима Горького и Татьяны Манухиной исчезли многие тревожные симптомы болезни, снизилась температура, восстановился нормальный вес. Горького охватило желание немедленно вернуться в Россию. «Вся интеллигенция Неаполя знала о новом лечении знаменитого больного и с глубоким интересом следила за изменением его здоровья. <...> Конец октября перед нашим возвращением в Париж был днями всеобщей радости и ликования», — писал И. И. Манухин [8, с. 153]. Подробности лечения Горького Манухин рассмотрел в специальном докладе, опубликованном весной 1914 г. в «Русском слове».

Лечение писателя на два с лишним месяца соединило под одним кровом две семьи — Максима Горького и Ивана Ивановича Манухина. Они жили вместе на Капри, в Неаполе и Сорренто. Их теплые и доверительные взаимоотношения впоследствии переросли в большую дружбу, сыгравшую важную роль в судьбе Манухина и близких ему людей. Некоторые врачи в России считали метод Манухина шарлатанским, и Горькому пришлось печатно выступать в его защиту. Разлучились они в 1921 г., когда семья Манухиных, поддержанная писателем, выехала во Францию. Однако к этому времени отношение Манухина к Горькому существенно изменилось.

Как многие здравомыслящие люди в России, Манухин с большим оптимизмом встретил Февральскую революцию, в «Дневнике» З. Н. Гиппиус мы находим созвучные такому настроению слова об этом событии: «...первые дни светлой, как влюбленность, февральской революции» [6, с. 146].

Важным проектом, захватившим И. И. Манухина, по его выражению, «как пленительная мечта», стало создание Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук. В оргкомитет ассоциации, собравшийся в марте 1917 г., вошли ученые самых разных специальностей: академики И. А. Бунин, В. И. Вернадский, И. П. Бородин, В. В. Заленский, Н. И. Андрусов, И. П. Павлов, А. Н. Крылов, А. И. Палладин, В. А. Стеклов, профессора С. И. Метальников, В. Л. Омелянский, Н. А. Морозов, А. С. Догель, Д. К. Заболотный, Н. П. Кравков и др. Иван Иванович Манухин был избран секретарем оргкомитета. Ассоциация ставила своей целью содействовать развитию и совершенствованию точных наук; популяризации научных знаний в широких народных массах; практическому внедрению открытий и изобре-

*М. Горький и И. И. Манухин.
Мустаямки (Финляндия). 1914 г. Фото из Музея
М. Горького*

Шуточный снимок «Тройка „Похороны Исайя“». Мустаямки (Финляндия). 1914 г. На первом плане слева направо: И. И. Манухин, Ф. И. Шалапин, М. Горький

ний; созданию сети научно-исследовательских институтов.

Открытие ассоциации состоялось 9 апреля 1917 г. в Михайловском театре Петрограда. На нем выступили В. А. Стеклов, И. П. Павлов, М. Горький и И. И. Манухин. Его доклад назывался «Исследовательские институты и научное творчество» [4, с. 29—33]. Он посвятил свое выступление проблеме отделения научно-исследовательской работы от учебной, напомнив, что до революции научная жизнь неизменно шла навстречу задачам просвещения и получения профессорского звания в ущерб научно-исследовательской работе, хотя последние 25 лет эта область научной деятельности на Западе активно развивается в рамках научно-исследовательских институтов.

Тогда же, весной 1917 г., Манухин дал согласие на предложение Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства работать врачом Трупецкого бастиона Петропавловской крепости, где после февральских событий находились в заключении бывшие члены царского правительства и сотрудники различных департаментов. Состав этой комиссии, по мнению Манухина, был гарантом того, что следствие по делу заключенных будет вестись объективно. Одним из условий своей работы, которое сразу же выдвинул Манухин, был ее благотворительный характер (т. е. работа не должна оплачиваться).

Посещая своих пациентов в Петропавловской крепости, Манухин убедился, что для сохранения жизни заключенных прежде всего необходимо улучшить их содержание. Он пошел на открытый конфликт с руководством следственной комиссии, когда узнал об издевательствах над бывшим директором департамента полиции О. П. Белецким, и добился его освобождения из карцера. Позже Манухин вспоминал: «Что делает с человеческим организмом тюрьма! И не просто тюрьма, а при данных условиях и неотступный страх насилия, жестокой расправы, неминуемой гибели — мучительное сознание своей обреченности. На моих глазах все пациенты слабели, старели, разрушались, чахли; некоторые нервничали, страдали бессонницей, падали духом... Никто из заключенных монархистов от своего прошлого, от своих убеждений не отрекался... но за себя все волновались, отдавая себе отчет, что они во власти солдатчины» [7, с. 93—100].

Реально оценив настроение солдат гарнизона крепости, постоянно угрожавших «всех перебить», Манухин постарался вывезти часть заключенных из крепости в арестантские дома и лечебницы. Когда не помогли авторитет Чрезвычайной следственной комиссии и поддержка Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, он обращался к кому-нибудь из известных социал-демократов, чаще всего — к А. В. Луначарскому. К октябрю 1917 г. все так называемые «старорежимники» под тем или иным предлогом были вывезены из Трубецкого бастиона.

Однако «тюремно-врачебная» деятельность Манухина не окончилась с приходом к власти большевиков. Многие из тех, кто сажал свои жертвы в тюрьмы, после октябрьского переворота сами оказались в них. Парадокс заключался в том, что врач Манухин дважды столкнулся с ситуацией «жертва-палач-жертва». На этот раз уже большевики стали уговаривать его согласиться посещать заключенных Трубецкого бастиона Петропавловской крепости для оказания им медицинской помощи, но Манухин категорически отказывался, поскольку не хотел сотрудничать с Советской властью.

Общеизвестно, что научная, в том числе и медицинская интеллигенция России, враждебно встретила Октябрьскую революцию. Российская академия наук уже в ноябре 1917 г. обратилась с протестом против захвата власти одной политической партией и стремлений этой партии к сепаратному миру с Германией в нарушение ранее принятых международных обязательств. Манухина удалось уговорить работать в Трубецком бастионе только через Политический Красный Крест, еще при царизме полулегально опекавший всех политических ссыльных в России.

Своих подопечных под предлогом слабого здоровья Манухин переводил в лечебницы или тюремные больницы (чаще всего в «Кресты»), где был менее суровый режим и откуда легче было выйти на свободу. Некоторым, например А. А. Вырубовой, Е. В. Сухомлиновой, даже удалось бежать за границу. В Трубецком бастионе после Октября сидели уже не монархисты, а члены Временного правительства, члены царской семьи, а также «саботажники» из разных ведомств, по тем или иным причинам мешавшие новой власти. Манухиным было дано свыше двадцати поручительств, необходимых для освобождения из крепости. Таким образом были спасены многие заключенные. Кроме того, благодаря Манухину, уговорившему Горького ходатайствовать перед Лениным, удалось освободить из крепости, а затем и переправить через границу президента Академии художеств России великого князя Гавриила Константиновича Романова и жену великого князя Михаила Александровича — Наталью Сергеевну Брасову. В условиях начавшегося в стране террора это была чрезвычайно трудная задача. (Как известно, большинство князей Романовых по приказу Ленина были уничтожены.)

Некоторые эмигрантские издания, в частности парижская «Иллюстрированная Россия», пытались подвергнуть сомнению роль И. И. Манухина и М. Горького в спасении Гавриила Константиновича (см. [20]), несмотря на убедительные воспоминания участницы этих событий Антонины (Анастасии) Рафаиловны Романовой — жены великого князя. По ее словам, Манухин «через Чека добился пропуска на ежедневные свидания с Романовыми... без комиссара, в любой час» [21, № 39, с. 14]. И далее Романова писала: «Я была счастлива, что мой муж будет ежедневно видеть своего доктора, а я через него могу передать слова утешения и бодрости. <...> Он предложил мне начать хлопоты у Горького, так как последний знаком со всеми видными большевиками и пользуется у них большой популярностью. Доктор Манухин был любезен и, не откладывая, сейчас же поехал к Горькому, меня же просил не волноваться и ждать от него известий. В тот же вечер Манухин позвонил мне по телефону и сказал, что Горький обещал свое полное содействие. Доктор Манухин лечил Горького от туберкулеза, и только благодаря принятым Манухиным своевременно мерам, жизнь Горького была спасена. Зная, как мучителен туберкулез, Горький заинтересовался ходом болезни моего мужа и сейчас же дал Манухину письмо к Ленину, которое кто-нибудь из нас должен был доставить в Москву сыну Горького, а тот должен был лично вручить самому Ленину» [там же, с. 14—15].

Письмо с описанием этих событий и с некоторыми поправками воспоминаний

княгини А. Романовой И. И. Манухин опубликовал в октябре 1934 г. в «Последних новостях» — парижской газете русской эмиграции («Иллюстрированная Россия» отказалась их печатать). Вот отрывок из него: «Когда великие князья оказались в доме предварительного заключения, на Шпалерной в Петрограде, комитет Политического Красного Креста на первом же очередном заседании поставил вопрос: через кого и как хлопотать? Уже из прошлых наших переговоров с властью по поводу великого князя Михаила Александровича было известно, что великих князей арестуют из "центра" и исключительно от "центра" зависит распоряжение об их освобождении. Пытаться воздействовать на "центр" мы могли только через М. Горького. Он до революции с большой щедростью помогал из своих личных средств Политическому Красному Кресту и сейчас разделял идею красно-крестной помощи заключенным. Благодаря его содействию, Политическому Красному Кресту удалось освободить уже несколько человек. Мне поручено было переговорить с ним. Это непосредственно относилось и к моей деятельности: я занимался не посещением заключенных в тюрьмах, что делали другие члены, а хлопотал об их освобождении. Я переговорил с М. Горьким, и он согласился ходатайствовать перед "центром" о великих князьях. При этом он поставил мне вопрос: с кого же начать? Я знал достоверно, что князь Гавриил Константинович болен.

"Домашним" врачом его я никогда не состоял*; это явствует уже из того, что я ни у него, ни у автора воспоминаний никогда на дому не бывал. Князь Гавриил Константинович приезжал ко мне на врачебные приемы, в числе прочих больных, для лечения моим методом.

Я рассказал М. Горькому о состоянии здоровья князя Гавриила Константиновича, и было решено прежде всего хлопотать об его освобождении. В качестве члена Политического Красного Креста я имел пропуск во все петроградские тюрьмы, за исключением Гороховой, где мне приходилось сноситься с местным врачом, и мог без специального разрешения посещать князя Гавриила Константиновича. Так что мне не требовалась для этого протекция большевика Б., как полагал автор воспоминаний**. <...> Когда я освидетельствовал князя Гавриила Константиновича в тюрьме, великие князья, осведомленные о предпринятых о нем хлопотах, довели до моего сведения, что, если в дальнейшем предстояла бы возможность хлопотать об их освобождении, они просят руководиться порядком старшинства. Я так и сделал: вслед за князем Гавриилом Константиновичем я освидетельствовал великого князя Павла Александровича, а потом великого князя Дмитрия Константиновича, инициатива освидетельствования которого прежде великих князей Николая и Георгия Михайловичей исходила, стало быть, от самих великих князей.

Таким образом, князь Гавриил Константинович был освобожден первым лишь по той случайной случайности, что он был болен до ареста, и за достоверность этого утверждения можно было ручаться. <...> Не будь этой случайности, Политический Красный Крест начал бы хлопотать об освобождении великого князя Павла Александровича, заболевшего уже в тюрьме. В силу же того, что все хлопоты перед "центром" исходили от М. Горького, несомненно, что если бы большевик Б. и собранный им совет получил распоряжение из "центра", т. е. от Ленина, освободить первым, например, великого князя Павла Александровича, то был бы освобожден он, а не князь Гавриил Константинович.

Как бы отрицательно ни относиться к последующей коммунистической деятельности М. Горького, надо признать освобождение князя Гавриила Константиновича его "добрым делом". Роль Политического Красного Креста сводилась к воздействию на его волю доводами сердца. Таково заключение, которого требуют справедливость и историческая правда» [22].

Письмо Манухина в «Последних новостях» убедительно свидетельствует о его

* Княгиня Антонина в [21] допустила неточность, назвав Манухина домашним врачом князя.

** В воспоминаниях княгини Антонины [21] речь шла о протекции большевика по фамилии Бокий, якобы повлиявшего на освобождение князя Гавриила Константиновича.

желании остаться в стороне от политической оценки личности Горького, которого, мягко выражаясь, недолго любила эмиграция. Тогда уже и у самого Манухина отношения с Горьким не были столь дружескими, как в начале их знакомства. Горький пытался меценатствовать по отношению к своему врачу-другу и делал это не всегда удачно. Так, например, в 1919 г. исходя из важности научной работы Манухина по изучению возбудителя «испанки» он предложил ученому «освоить» пустующие помещения Павловского дворца (не больше не меньше!), разместив в них и лаборатории с вивариумом, и поликлинику. Манухин ответил отказом, прекрасно понимая, что в случае его согласия дворец будет «изуродован вандалически» [5, с. 195].

В дневниках З. Н. Гиппиус приводится несколько ярких эпизодов из жизни Манухина и его взаимоотношений с Горьким. Из них следует, что накануне эмиграции Манухиных эти взаимоотношения были уже отнюдь не дружеские. И если Манухин терпел неуважительные выходки Горького в свой адрес, то делал это не из чувства далеко идущей дипломатии, а скорее из врожденной интеллигентности. У Гиппиус мы читаем: «А И. И. ездил к Горькому, опять из-за брата (ведь у И. И. брата арестовали).

Рассказывает: попал на обед, по несчастью. Мне не предложили, да я бы и не согласился ни за что взять его, горьковский, кусок в рот; но признаюсь, был я голоден, и неприятно очень было: и котлеты, и огурцы свежие, кисель черничный. <...>

Бедный И. И., когда-то буквально спасший Горького от смерти! За что ему теперь позволяется смотреть, как Горький обедает. И только; потому что на просьбу относительно брата Горький ответил: "Вы мне надоели! Ну и пусть вашего брата расстреляют!"

Об этом И. И. рассказывал с волнением, с дрожью в голосе. Не оттого, что расстреляют брата (его, вероятно, не расстреляют), не оттого, что Горький забыл, что сделал для него И. И., а потому, что И. И. видит теперь Горького, настоящий облик человека, которого он любил... и любит, может быть, до сих пор.

Меня же Горький и не ранит (я никогда его не любила), и не удивляет (я всегда видела его довольно ясно). Это человек прежде всего не только некультурный, но и **неспособный** к культуре внутренне. А кроме того, у него совершенно бабья душа. Он может быть и добр, и зол. Он все может и ни за что не отвечает. Он какой-то бессознательный. Сейчас он приносит много вреда, играет роль крайне отрицательную, но все это в конце концов женская пассивность — "путь Магдалинин". Но Магдалины, которая никогда не раскается, ибо никогда не поймет своих грехов.

Не завидую я его котлетам. Наша затхлая каша и водянистый суп, на которых мы сидим месяцами (равно как и И. И.), право, пища более здоровая!» [6, с. 171].

Известно, что ближайший друг Горького и его издатель — Зиновий Исаевич Гржебин в послереволюционном Петрограде скупал у интеллигенции, умиравшей с голоду, предметы искусства для «нужд» писателя. Манухин не мог не знать о «слабостях» своего пациента и приятеля, тем более что многие эпизоды с Гржебиным происходили прямо на его глазах. В петербургских «Дневниках» З. Н. Гиппиус находим: «Масло подбирается уже к 1000 р. за фунт. Остальное соответственно. У нас нет более ничего. И. И. уже "продался" тоже Гржебину — писать брошюры. Недавно была такая картина: у меня сидела торговка, скупающая за гроши нашу одежду. И. И. прислал сверху, с сестрой, свои туфли старые, галстуки, еще что-то, чуть ли не пиджак последний. А в это же время к нему, И. И., приехал Горький (пользоваться рентгеном И. И.). Вызвал кстати фактора своего, Гржебина (он в нашем доме живет). Тот прибежал. Принес каких-то китайских божков и акварельный альбом — достал по поручению. Горький купил это за 10 тысяч. Эта сделка наверху, в квартире И. И., была удачнее нижней: вещи И. И., которые он послал продавать, погибли у торговки вместе с моими» [там же, с. 62].

После Октябрьской революции состав пациентов Манухина существенно изменился. Теперь он все больше лечил служащих, рабочих, ремесленников. Паек, который он получал от государства, был так скуден, что приходилось подрабатывать в нескольких местах. К счастью, в Доме литераторов на Бассейной, где Манухин

согласился вести прием больных, ему разрешалось мало и невкусно есть (мороженая картошка и морковный чай были роскошью в те голодные годы), а небольшой добавкой ему удавалось покормить жену. Накануне своей эмиграции З. Н. Гиппиус карандашом записала в своем блокноте: «Дома у И. И. полный развал. Они с женой вдвоем, без прислуги, в громадной ледяной квартире с жестяной лампочкой. <...> Кашляющая, близорукая, слабая жена И. И. моет посуду во тьме, в гигантской нетопленной кухне. Но она физически не может ничего делать, как и я. Сам И. И. целый день таскает на плечах на 5 этаж дрова свои (запас еще с лета остался, надо все перетаскать, ведь каждое полено, как золотой» [там же, с. 76].

Вскоре квартира Манухиных попала «под уплотнение», и новым жильцам выдали ордер на манухинский кабинет, где размещался рентгеновский аппарат. В комиссии по вселению, куда врач обратился с просьбой о защите, и слышать не хотели ни о рентгене, ни об исследовательской работе, ни о самом ученом.

Борьба за выживание, физическое и духовное, была тягостной и однообразной. Чтобы спасти квартиры жильцов своего дома от разграблений, а их самих от унижений в случае обысков и облав, которые участились в 1919 г., Манухин вынужден был войти в состав домового комитета. З. Н. Гиппиус писала: «Противная, утомляющая работа, обходы неисполнимых декретов, извороты, чтобы отдалить ограбления, разговоры с тупыми посланцами из полиции. <...> А вечные обыски! Как сейчас вижу длинную худую фигуру И. И., без воротника, в стареньком пальто, в 4 часа ночи среди подозрительных, подслеповатых людей с винтовками и кучи баб — новых сыщиков и сыщиц. Это И. И. в качестве уполномоченного от "Комитета" сопровождает обыски уже в двадцатую квартиру» [там же, с. 155].

Тогда Манухин попросил вернуться в науку. Д. К. Заболотный, руководивший в те годы эпидемиологическим отделом Института экспериментальной медицины, охотно отозвался на просьбу ученого и предоставил ему место в своем отделе. Одной из тем исследований Манухина стал поиск возбудителя особо опасного инфекционного заболевания — «испанки», от которой осенью 1918 г. чуть не погибла его жена Татьяна. Впервые в жизни на коленях молил Манухин Богоматерь о ее выздоровлении, хотя раньше считал себя убежденным атеистом. Когда жена поправилась, преодолев страшный кризис, Манухин, вернувшись к православной вере своих предков, решил посвятить себя изучению природы этого инфекционного заболевания. Из-за разрухи транспорт Петрограда практически не работал, и ученому часто приходилось добираться пешком в «дальнюю даль» Каменноостровского проспекта, где находится институт. Иногда он оставался ночевать в лаборатории и спал на лабораторном столе. Перегружая себя научной работой, ученый пытался отключиться от ужасов окружающей его действительности.

Позже, в эмиграции, он напишет об этом времени: «Годы 19—20 были периодом все нарастающего — из недели в неделю, из месяца в месяц — тягчайшего для нормального человека состояния какой-то моральной смертоносной духоты, которую даже трудно определить точным словом, разве термином "нравственной асфиксии". Люди были поставлены в условия, когда со всех сторон их обступала смерть, либо физическая, либо духовная. <...> Все делается лживо, обманно, враждебно, озлобленно вокруг вас и безмерно — беспредельно, интегрально — незаконно. Декреты сыплются на обывателя без счета, а закона нет, и самый принцип его вообще не существует. <...> Ничего нет удивительного, что русские люди устремились к границам, — кто куда: в Финляндию, на Украину, в Польшу, в Белоруссию. Хотелось жить как угодно: в бедности, в убожестве, странником, пришельцем, лишь бы не быть принуждаемым жить не по совести» [5, с. 193].

З. Н. Гиппиус охарактеризовала эти годы как «ощущение тьмы и ямы. Тихого умопомешательства» [6, с. 62].

Так жили накануне своей эмиграции две семьи — Мережковских-Гиппиус и Манухиных в доме на Сергиевской, у Таврического дворца. Невероятные бедствия и лишения, в которые революция ввергла страну, неизбежно подводили к исходу — эмиграции на Запад.

**Если гаснет свет – я ничего не вижу.
 Если человек зверь – я его ненавижу.
 Если человек хуже зверя – я его убиваю.
 Если кончена моя Россия – я умираю (цит. по [23, с. 128]).**

Так писала Зинаида Николаевна Гиппиус в феврале 1918 г. Через 10 месяцев (24 декабря 1919 г.) она, Д. С. Мережковский и их ближайшие друзья: Д. В. Философов и В. А. Злобин (секретарь Мережковского) — бежали из Петрограда. После кратковременного пребывания в Варшаве они переехали в Париж.

Гиппиус еще не предполагала, что уехала навсегда. Сделав свой первый выбор, она через много лет сделала и второй — не возвращаться.

Отъезд

**До самой смерти... Кто бы мог думать?
 (Санки у подъезда, вечер, снег.)
 Знаю, знаю. Но как было думать,
 Что это – до смерти? Совсем? Навек?
 Молчите, молчите, не надо надежды.
 (Вечер, вечер, снег, дома...)
 Но кто бы мог думать, что нет надежды?
 (Санки. Вечер. Снег. Тьма.) (цит. по [24, с. 36])**

Вскоре и Манухины приняли решение уехать из России, уехать ненадолго, если удастся — в научную командировку. Однако к этому времени границы России были уже накрепко закрыты. Научные командировки, как и переписка с зарубежными коллегами, были запрещены. Реально помочь уехать по официальным каналам мог только Горький. Но отношения с Горьким у Манухина в то время уже были натянутыми. Позже о своих разногласиях с писателем он напишет: «...он был тогда в "фаворе" в Москве, вступив на путь сотрудничества с властью по тактическим соображениям, упорно не соглашаясь признать, что его "тактика" ничего в ходе политических событий не изменит. Этой "тактики" мы не признавали и были вынуждены пережить немало лишений и прикоснуться к великим бедам и скорбям наших родных и знакомых» [5, с. 196]. Тем не менее весной 1920 г., во время очередного сеанса рентгеновского облучения селезенки, которым купировалось обострение туберкулеза, Татьяна Манухина обратилась к Горькому с просьбой помочь ей и ее мужу уехать из России. «Горький молча выслушал, подумал и сказал решительно: "Я вам обещаю, вы уедете"», — вспоминал И. И. Манухин [там же].

В марте 1920 г. Горький написал Ленину о необходимости командирования Манухина во Францию, в Институт Пастера. «Манухину, — говорилось в письме, — необходимо дать возможность работать по изысканию сыворотки против сыпняка, а здесь — ничего не добьешься. Мы город политический и слепой, совершенно лишенный инициативы во всех других областях. Телеграфировал Семашко — не отвечает. Извините, что надоедаю, но это дела крайне важные — Вы сами понимаете! А. Пешков» [10, с. 108].

На это письмо Ленин ответил: «Манухин должен представить Наркомздраву Семашко изложение способа предполагаемых изысканий, от результатов рассмотрения которого зависит решение» (цит. по [10, с. 110]).

20 апреля Горький напомнил вождю о своей просьбе: «Дорогой Владимир Ильич! Прилагая копию заявления, посланного Манухиным Н. А. Семашко, очень прошу Вас, сделайте все возможное для того, чтобы заграничная командировка Манухину была разрешена» [там же]. Далее шел текст, который был перечеркнут читавшим его Лениным: «И разумеется, чтоб ему дали средства для поездки и работы в Институте Пастера. Я не совсем профан в понимании учения "о внутренней секреции", очень внимательно следил и слежу за ходом теоретической мысли Манухина, так и за его практическими опытами. Совершенно уверен, что домысел Манухина — правилен и что деятельность сердца можно регулировать, можно восстановить даже и тогда, когда оно уже сильно изработалось. Ставится проблема долголетия — нечего говорить, до какой степени это важно. Возбуждаются самые фантастические надежды, но улыбаться над ними не советую — современная наука уже обладает силой реализации самых безумных фантазий, как Вы знаете.

Типичный кабинетный ученый, Манухин непрактичен, как ребенок, также прямодушен и умеет — с поразительной легкостью — наживать себе врагов. Здесь его научные работы затруднены до крайности, вследствие чисто внешних помех он может выпустить сыворотку против "испанки" только в апреле, хотя она должна быть готова еще в начале февраля. И, разумеется, особенно трудно вести клиническую работу, не имея ни медикаментов, ни аппаратов, нужных для наблюдений над деятельностью сердца, и при этом пользуясь враждебным вниманием различных "саботажников" плюс небрежное отношение к "ученому" со стороны советских буржуев.

Очень прошу разрешить командировку Манухину. Это — огромное дело, его дело. А. Пешков» [там же, с. 111].

Однако вопрос о научной командировке доктора Манухина за границу был положительно решен только в сентябре 1920 г. Затем началась волокита с визой. Поэтому в письме от 21 ноября 1920 г. Горький уже с нескрываемым раздражением обращается к Ленину: «До сего дня д-р Манухин, командировка которого в Институт Пастера разрешена еще в сентябре, не может выехать, ибо особый отдел ВЧК не дал визы. Нужно аннулировать командировку, чтоб Манухин мог приняться за работу в России, или же отпустить его. А. Пешков» [там же, с. 118].

О жизни Ивана Ивановича Манухина во Франции у нас имеются противоречивые сведения. Так, например, в «Железной женщине» Н. Берберова пишет, что в 30-е гг. И. И. Манухин «продолжал давать свои сеансы лучей... но французские врачи не дали ему возможности развить свое искусство, практику ему запретили. Он был известен в Париже как частный посетитель собора на улице Дарю» [25, с. 133]. (Как известно, на этой улице расположен русский кафедральный православный храм Александра Невского.) Как бы опровергая слова Берберовой о безработном Манухине, справочник «Русские во Франции», изданный в 1937 г., приводит имя Манухина в списке врачей, являющихся членами Общества русских врачей имени Мечникова в Париже, указывает его специальность как частнопрактикующего врача («внутренние болезни и туберкулез») и называет его парижский домашний адрес (см. [26, с. 133]).

В первой половине 20-х гг. во Франции разрешение на работу эмигрантам предоставлялось более или менее свободно, что, по-видимому, было связано с нехваткой рабочей силы после первой мировой войны. Об этом пишет и М. Раев в книге «Русское Зарубежье» (см. [27, с. 32]). Однако это не относилось к тем, кто имел так называемые свободные профессии — юристам, врачам, учителям, литераторам и пр. Получение работы по этим специальностям предполагало наличие французского гражданства или статуса ветерана французской армии, а также сдачу сверхсложных экзаменов для получения французского диплома. У Н. Берберовой в книге «Курсив мой. Автобиография» о статусе эмигранта, имевшего «свободную» профессию, с горечью написано: «...мы получили документ "апатридов", людей без родины, не имеющих права работать на жалованье, принадлежать к пролетариям и служащим, имеющим постоянное место и постоянный заработок. Мы можем работать только "свободно", как люди "свободных" профессий, то есть сдельно, такое нам ставят клеймо» [28, с. 252].

Тем не менее многие эмигранты обходили законы, работая под прикрытием своих французских коллег или — в случае научной практики — соглашаясь формально занимать более низкие должности, например ассистента, лаборанта, преподавателя и пр. Повторяю, я до сих пор не знаю подробности профессиональной деятельности Манухина во Франции после его отъезда из России. По «Правилам въезда во Францию для русских эмигрантов» лица, легально выехавшие из Советской России, даже не имели права на получение нансеновского паспорта. Правда, в «Правилах» была оговорка, что «лица, въехавшие с советским паспортом, но окончательно порвавшие с Советами и не возобновившие советского паспорта в течение пяти лет, могут ходатайствовать о выдаче нансеновского паспорта в Министерстве внутренних дел» (цит. по [26, с. 24—25]).

Что касается научной деятельности Манухина в эмиграции, то мне удалось

обнаружить несколько статей, опубликованных им с 1924 по 1948 г. главным образом во французских журналах. Как правило, они не содержат новых экспериментальных или клинических данных, а посвящены анализу некоторых весьма спорных вопросов иммунологии, радиобиологии и учения о внутренней секреции, а также дискуссиям по ним с другими учеными (см. [29—31]).

Вышеприведенные данные никак не согласуются с официальной датой смерти Ивана Ивановича Манухина — 1930 г., Париж*. Эта дата — также одна из загадок биографии Манухина. Поскольку не существует ни одного некролога, утверждать что-либо по поводу факта и даты смерти врача и ученого трудно. Редакция американского «Нового журнала», опубликовавшая три статьи И. И. Манухина (1958, 1963 и 1967 г.), ограничила сведения об их авторе фразой в сноске о том, что текст в редакцию был прислан душеприказчиком И. И. Манухина, неким О. И. Кошко (см. [5, с. 184]).

Несколько слов о жене — Татьяне Ивановне Манухиной (1885—1962). Ее литературный псевдоним — Т. Таманин, под ним Манухина печатала во Франции свои новеллы, критические статьи («Друг человечества», 1938; «Замятин Е. И.», 1939; «Монахиня Мария», 1955; «Светлой памяти митрополита Евлогия», 1960 и др.). Ее литературные наклонности горячо поддерживала З. Н. Гиппиус, и, как пишет в предисловии к четырехтомнику стихов и поэм Гиппиус ее литературный редактор — профессор Иллинойского университета Т. А. Пахмус, до конца 30-х гг. Зинаида Николаевна и Татьяна Ивановна встречались в Париже практически каждый день (см. [32, с. XLVII]). Их отношения и «литературная» ссора подробно отражены в некоторых стихах З. Н. Гиппиус и специальном исследовании Т. А. Пахмус [33]. Есть предположение, что в целом доброжелательная рецензия З. Н. Гиппиус на роман Т. И. Манухиной «Отечество» (1933), в которой Зинаида Николаевна нелицеприятно отозвалась об Иване Ивановиче Манухине, положила начало официальной размолвке Гиппиус и Манухиной (см. комментарии Пахмус в [34]).

Иван Иванович Манухин назван масоном в книге Н. Берберовой «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» (см. [35, с. 202]). Стал ли Манухин членом одной из масонских лож на родине (как известно, в России масонство было запрещено в 1918 г.) или примкнул к обществу «вольных каменщиков» во Франции — сказать трудно. В списке масонов, приведенном Берберовой, можно найти имена многих выдающихся русских деятелей науки и культуры. По-видимому, моральные принципы и взаимное доверие масонов играли важную роль «в жизни «русского Парижа».

В одном из писем К. А. Федину (от 29 марта 1932 г.) М. Горький писал: «Манухина я потерял из вида. Знаю, что он все еще в Париже, но в Институте Пастера — не работает, некоторое время путался среди эмигрантов, уверовал в Христа и "православие"; был членом какой-то церковной организации, затем будто бы откачнулся от всего этого, и теперь о нем ничего не слышно. Его метод лечения туберкулеза освещением селезенки рентгеном, видимо, не привился, хотя в Сан-Блазиене Бакмейстер освещал мне рентгеном, но — не селезенку, а легкое; Манухина — жаль, человек — талантливый, и лечение его давало отличные результаты. Если б не он, я уже 19 лет имел бы чин покойника, а благодаря ему состою в живых» [36, с. 246—247].

* * *

Статья преднамеренно мною не завершена, как не завершены исследования, касающиеся жизни и деятельности малоизвестного сейчас удивительного человека — врача и ученого Ивана Ивановича Манухина. Надеюсь, что удастся найти новые сведения о нем и поделиться ими с читателями на страницах ВИЕТ.

* Отмечу, что при переиздании «Воспоминаний о 1917—1918 гг.» Манухина редакция журнала «Диалог» (1991, № 18, с. 87—96) привела следующие даты жизни и смерти ученого: 1882—1930 гг.

Список литературы

1. Гиппиус З. Н. Стихи. Дневник 1911—1921 гг. Берлин, 1922.
2. Мечников И. И. Выдержки из дневника с записями самонаблюдений // Собр. соч.: В 16 т. М., 1964. Т. 16. С. 301—309.
3. Манухин И. Памяти Ильи Ильича Мечникова // Летопись. 1916. № 9. С. 186—191.
4. Речи и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях, состоявшихся в 1917 г.: 9 и 16 апреля в Петрограде и 11 мая в Москве / М. Горький, И. Н. Ефремов, Д. К. Заболотный и др.; Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук. Пг., 1918.
5. Манухин И. И. Революция // Новый журнал. 1963. Кн. 73. С. 184—196.
6. Дневник Зинаиды Николаевны Гиппиус // Русская мысль. 1921. Кн.1—2. С. 139—190.
7. Манухин И. И. Воспоминания о 1917—1918 гг. // Новый журнал. 1958. Кн. 54. С. 97—116.
8. Манухин И. И. С. Боткин, И. Мечников, М. Горький // Новый журнал. 1967. Кн. 86. С. 139—158.
9. Кускова Е. Л. А. Тарасевич (13 июня 1927 г.): Некролог // Современные записки. 1927. Т. 37. С. 401—406.
10. Горький и наука: Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1964.
11. Российский медицинский список на 1909 г. СПб., 1909.
12. Botkin S. S. Häematologische Untersuchungen bei Tuberkulininjektionen // Deutsche med. Wochenschrift. 1892. № 15. S. 32—40.
13. Манухин И. И. О лейкоцитозе. (Предварительное сообщение) // Русский врач. 1910. № 11. С. 376—377.
14. Манухин И. И. О лейкоцитозе: Дис. на степень доктора медицины. СПб., 1911.
15. Манухин И. И. О «лейкоцитотерапии» при фибринозном воспалении легких // Русский врач. 1910. № 26. С. 897—900.
16. Павлов И. П. Отзыв о сочинении И. И. Манухина «О лейкоцитозе». СПб., 1916.
17. Сергей Сергеевич Боткин: Некролог // Русский врач. 1910. № 11. С. 361—364.
18. Манухин И. И. Лечение заразных болезней лейкоцитозом, вызываемым освещением селезенки Roentgen-овскими лучами // Русский врач. 1916. № 22. С. 522—525; № 23. С. 542—544; № 25. С. 592—596; № 26. С. 616—619.
19. Таманин Т Друг человечества (М. Горький) // Русские записки. 1934. Т. 11. С. 117—134.
20. По поводу письма-опровержения И. И. Манухина в газете «Последние новости» // Иллюстрированная Россия. 1934. № 44. С. 14.
21. Княгиня Антонина. Как был спасен князь Гавриил Константинович: Воспоминания // Иллюстрированная Россия. 1934. № 35. С. 10—12; № 36. С. 6—7; № 37. С. 14—15; № 38. С. 6—7; № 39. С. 14—15.
22. Манухин И. И. Письмо в редакцию // Последние новости. 1934. 14 окт.
23. Пахмус Т. Гиппиус Зинаида profession de foi // Новый журнал. 1975. Кн. 121. С. 127—143.
24. Злобин Вл. Тяжелая душа. Вашингтон, 1970.
25. Берберова Н. Железная женщина. (Рассказ о жизни М. И. Закревской Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях). Нью-Йорк, 1981.
26. Русские в эмиграции: Справочник / Ред. В. Зеелер. Париж, 1937.
27. Raeff M. Russia Abroad. Cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939. N. Y., Oxford, 1990.
28. Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. Мюнхен, 1972.
29. Manoukine I. La rate considérée comme un organs á secretion interne (A propos d'un récent Article de G. P. Sakharoff) // Rev. Frans. d'endocrinol. 1930. Vol. 8. N. 6. P. 527—529.
30. Manoukine I. I. La rôle de l'excitothérapie splénique dans les affections du systeme nerveux d'origine infectieuse ou déterminées par un trouble fonctionnel (antileucocytolytique) du foie // Arch. Internat. de Neurol. 1934. Vol. 53. P. 59—75.
31. Manoukine I. Quelques observations sur la nature des radiations émises par les tubes á rayons X // Compt. rend. Acad. Sci. 1948. Vol. 227. P. 56—58.
32. Пахмус Т. [Предисловие] // Гиппиус З. Н. Стихотворения и поэмы: В 4 т. Мюнхен, 1972. Т. 1. С. VII-LI.
33. Пахмус Т. А. Литературная ссора: Зинаида Гиппиус против Татьяны Манухиной // Ежегодник Эстонского литературного общества в Америке. Нью-Йорк, 1967. Вып. 4. С. 63—68.
34. Гиппиус З. Дневник 1933 г. // Новый журнал. 1987. Кн. 188—189. С. 208—218.
35. Берберова Н. Биографический словарь // Берберова Н. Люди и ложи. Русские мasons XX столетия // Вопросы литературы. 1990. № 4. С. 158—234.
36. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1955. Т. 30.